

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ НЕОЛОГИИ

Н. М. Азарова

Институт языкознания РАН

(Россия, Москва)

natazarova@gmail.com

СИСТЕМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СТРАТЕГИЯХ НОВИЗНЫ В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ*

Вопрос о неологии во многом определяется отношением к новому в ту или иную эпоху и зависит от языковых доминант в культурных системах. В поэзии последних десятилетий можно наблюдать системные изменения стратегий предъявления новизны и отношения к новому. Современную эпоху можно определить как власть нового и как безраздельное господство креативного. Изменение отношения к новому связано с протестом против требования креативности как основного буржуазного мандата нашего времени. Если в культурной системе XX в. новое преподносилось как чужое для адресата с целью его первоначального отторжения, а затем подчинения и в конечном итоге признания нового как своего (эпоха постмодерна здесь не является исключением), то в языке поэзии начала XXI в. заметна стратегия *хеджирования* нового вместо стратегий его демонстративного предъявления и брендинга. Языковые механизмы в поэзии подразумевают удержание нового как совпадения, не акцентирующего противоречие нового и старого. Это не отказ от нового, так как новой является сама идея времени, но это новое без апологии инновации, без инициации. Новое возникает как восприятие целостности, а не как результат анализа. Традиционная неология в настоящее время — это прерогатива обыденной речи, коммуникации и медийного пространства, что противоречит задачам поэзии, и задача поэзии последних лет — противостоять диктату креативности.

Ключевые слова: культурные системы, язык поэзии, новые слова, креативность, Целан, современная поэзия.

Неология, возможно, больше, чем какая-либо другая область лингвистики, чувствительна к изменению идеи времени. И таким образом более всего нуждается в философской фундированности. Именно поэтому неологии всегда уделялось

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

достаточно большое место в рассуждениях философов о философских понятиях и терминах, а также их переводе¹. Однако в лингвистической науке неология изучалась в связи со словообразованием, лингвопоэтикой или — у В. П. Григорьева — с идиостилем автора, то есть всегда более или менее изолированно, и так или иначе неология была замкнута сама на себя.

Не была избавлена неология и от аксиологического привкуса. Условно: «неология — это замечательно, это новизна», или противоположное: «неология — это плохо, языковой произвол и развал». Сегодня наша задача — оторвать неологию от утомительного диктата новизны, который, как правило, провоцирует обратную реакцию, косную традиционность с целью избежать любой неологии. В основе этих, казалось бы, противоположных стратегий лежит апология инструментального отношения к языку.

Неявная неология должна открывать новое как данное, новое, которое не кажется новым и не заявляет себя как новое.

Вопрос о неологии тесно связан (и во многом определяется) отношением к новому в данную эпоху. Если футуристическая и постфутуристическая неология претендовала на то, чтобы новое преподносилось как чужое для адресата с целью его первоначального отторжения, а затем подчинения и в конечном итоге признания нового как своего, то *неявная неология* претендует на новое как свое, которое просто не было достаточно замечено.

Неявная неология подразумевает новое как боковое зрение, а не как что-то стоящее впереди. Возможны разные уровни незамечания нового. Когнитивным возможностям человека трудно успеть за тем новым, которое раскрывает себя в практике, но и тяжеловесные когнитивные рамки культуры создают препятствия, и в результате сознание не успевает зафиксировать это новое.

Футуристическая и рекламная неология навязывает новое как волю к власти (в классическом футуризме или рекламе) или как плюралистическую игру (в постфутуризме). Казалось бы, одиозные слова М. Лифшица о модернизме сегодня можно отнести как к футуристической неологии, так и к современному языку рекламы: «Модернизм связан с самыми мрачными психологическими фактами нашего времени. К ним относятся культ силы, радость уничтожения, любовь к жестокости, жажда бездумной жизни, слепого повиновения» [Лифшиц 1966].

Современный капитализм можно определить как власть нового и как безраздельное господство креативного. ***Неявная неология связана с протестом против требования креативности как основного буржуазного мандата нашего времени.*** Этот мандат призван не замечать соединения равного: «Подчинение соединения новому и творческому — это наиболее тонкий, но одновременно и наиболее действенный вид такого присвоения» [Регев 2016: 119].

¹ В философском тексте начала XX в. нередко рефлексия по поводу необходимости создания новых слов: «и новые мысли по существу не могут быть выражены иначе, чем в новых словах» [Франк 1990: 184]. Идея неологии прямо связывается Шпетом с требованием «точности понятия», с одной стороны, и творческим характером философского текста — с другой [Шпет 1994: 245].

Неявная неология не отказывается от нового, так как новой является сама идея времени, но это новое без апологии инновации, без инициации (XX в., по А. Бадью, был веком инициации) [Бадью 2016]. Сегодня мы, анализируя современный текст, во многих случаях видим, что он новый, но не можем сказать, что именно тут нового. Новое возникает как восприятие целостности, а не как результат анализа.

Это и задача поэзии последних лет — противостоять диктату креативности, не впадая в подчеркнутую традиционность.

Здесь возможны две непротивоположных авторских стратегии. Первая — на избегание новизны, то есть не превращать новизну в успешную стратегию, ведь именно мейнстрим требует успешности предъявления новизны. Вторая — удержание нового как совпадения, не акцентирующего противоречие нового и старого, удержание нового боковым зрением.

В *неявной неологии* присутствует и некоторая сакральность. Сакральность неологии можно понимать как ясновидение в буквальном смысле, то есть это ясное, точное видение целого.

Неявную неологию в какой-то мере описывает термин *хеджирование*. Стратегии *хеджирования* неологизмов вместо стратегии их предъявления, использование их по формуле «как будто так и было». Адресат может заметить что-то странное в тексте, но поэт не акцентирует внимание на этой странности. Это похоже на стратегию хеджирования сакральной информации в текстах [Азарова 2016].

Неявная неология опирается на **принцип непротиворечивости**. К. Мейясу заявляет, что он установил **необходимость непротиворечия** на основании того, что бытие-необходимым есть бытие-противоречивым: «взрастить *логос* контингентности, или, другими словами, обоснования, освобожденного от принципа достаточного основания — такую *спекулятивную рациональность*, которая не будет *метафизическим обоснованием*» [Мейясу 2015: 111]. Традиционная неология была основана на подчеркивании противоречия и, соответственно, на реализации его. Трудно представить себе хлебниковский неологизм без понимания того, чему он противоречит, без понимания того, какой ярус языковой системы он ломает или хотя бы в какой ярус языка он вторгается.

Женская идея предполагает, что и само понятие инициации способно описываться непротиворечиво, например, когда речь идёт о том, как соотносится день рождения и день жизни. С какого момента считать? — этот вопрос становится неактуальным, что показывает способность человека изначально мыслить реальную длительность и непротиворечивость. Религиозные споры относительно начала жизни основаны на противопоставлении будущего и прошлого, на идее дискретности и противоречивости. Тем не менее нам понятно непротиворечивое высказывание «появление новой жизни», в которой мы реально мыслим продолженное настоящее. Обратное бы подразумевало исключение настоящего, пропущенность настоящего, превращение его в момент, миг, точку, и это бы соответствовало той идее акцентированного нового, апологией которого явился XX век.

Мы можем сказать, что *неявная неология* реализует следующий принцип, который можно назвать паранепротиворечивой логикой, когда критерием мыслимости

для современной логики является не отсутствие противоречий, а непротиворечивость системы. *Неявная неология* работает, таким образом, в **непротиворечивой системе**, которая обеспечивает условия незамечания, невыявления противоречия — мы заранее соглашаемся, что так и надо, **мы смотрим на целое**. Но это не значит, что любое высказывание приемлемо.

Подобное положение, приемлемость любого индивидуального высказывания, — это постулат современного тривиального дискурса. В лингвистике конца XX — начала XXI века в качестве достаточного основания выводился коммуникативный принцип вседозволенности. Непротиворечивость *неявной неологии* не подразумевает пресловутую зависимость от контекста, которая была нужна, чтобы снять противоречие. Именно контекст в традиционной неологии работал как принцип достаточного основания для снятия противоречий: «мы имеем право, потому что...». Такой принцип в разной степени шокирующего противоречия, а затем снятия для адресата его при помощи манипуляции контекстом победно использовался в XX веке первоначально в поэзии, а к началу XXI века распространился на подавляющее большинство дискурсивных практик.

Можно перестать задавать себе вопрос: почему законы необходимы и их нарушения значимы? И задаться другим вопросом: почему мы верим, что законы необходимы?

Откуда происходит наша вера в необходимость законов? Юм говорит, что это из привычки и повторяемости. Но это и основной принцип стиха. Стих держится на вере в повторение. Поэтический ритм — вид закона, так как обеспечивает предсказуемость. Наша склонность верить в повторение того, что уже повторилось, полностью руководит нашим отношением к окружающему миру. Наша вера в причинность продиктована скорее чувственным опытом, чем мышлением (несмысленная склонность верить в то, что повторяется).

Можно сказать, что, используя повтор, поэзия пользуется тем же механизмом познания, что и прежняя наука, то есть установление закона — признание познавательной необходимости исходя из чувственного опыта. Поэт распространяет вероятность на Вселенную. В этом смысле деструктивный повтор в постмодерне не является исключением.

При анализе неологии и **окказиональности** раньше часто использовался термин **обманутого ожидания**. Здесь необходимо четко сформулировать, что ожидание нового — это и есть принцип повторения. Диктат креативности в современном обществе — это и есть манипуляция ожиданием нового при помощи нарочитого парадигмального выстраивания повторов.

В современном обществе неология маркируется. Ожидание эффекта обманутого ожидания — основной принцип маркетинга неологии. Адресату обещано удовольствие от реализации принципа обманутого ожидания, и он это удовольствие неизбежно получает. Простая формула — *Вы были там-то, там-то* (ряд повторов, закон), *а там-то не были* (вы нарушаете закон повторения, там будет нечто иное, нарушающее повтор).

Понятие случайности в поэзии. Само понятие случайности, окказиональности, безусловно, связано с неологией. Но сама эта случайность, окказиональность

мыслима только при условии, что законы нерушимы или что они нужны для нашего познания. Любая окказиональность и неология в том числе только утверждает веру в необходимость законов. Импликация к частотности еще один источник этой веры. Задача начала XXI века — переосмыслить понятие «случаться». Во-первых, то, что случается, необязательно случайность. В случайности, отступающей от системы, противоречащей системе и тем самым доказывающей систему, всегда есть элемент игры. Недаром пресловутая игра слов — своеобразный терминологический сорняк любых описаний неологии в разных типах дискурса. Неявная аналогия, в отличие от окказиональности, не носит игрового характера, но она случается. «Случаться» показывает, что случилось нечто иное, не вписывающееся в игру. Да, в современности игра слов, безусловно, широко используется в различных типах дискурса, но в поэзии и философии она не отвечает идее современности. Новое — это серьезное, то, что случилось.

Соответствие поэзии идее времени: сегодня поэзия может отказаться от принципа достаточного основания и, напротив, стремится, говоря словами П. Целана, «на неосновательность опереться».

Почему нечто есть так или иначе? Поэзия, отвечающая современной идее, отвечает **«просто так»**, и это *просто так* не уклонение от ответа — это серьезный ответ.

Обозначим некоторых предшественников неявной неологии в XX в.

ОБЭРИУты. В какой-то мере современному отказу от креативности предшествовал хармсовский отказ от чудотворчества. Творить чудеса, создавая новое, даже если ты это можешь сделать, подразумевает разделение на Я и мир, а ОБЭРИУты стремятся избежать этого разделения. Отсюда их неоднозначное отношение к неологии. Желание неологии — желание власти (поэт выступает как демиург, и в этом смысле Хлебников, председатель мира, — типичный демиург). Желание власти отделяет от мира. В этом смысле ОБЭРИУты — предшественники современной постановки вопроса. Отказ от неологии и от креативности у ОБЭРИУтов выражался в попытках сочинения нарочито бездарных стихов (см. об этом [Лоцилов 2003]). Но сейчас эта проблема переросла поэтические и даже эстетические рамки.

Еще один пример отказа от креативности по какой-то степени сходным с ОБЭРИУтами причинам дает казус Стаса Красовицкого. Блестящий поэт, которого еще Бродский называл учителем, после того как стал священником, специально стал писать нарочито плохие стихи, по его словам, чтобы не выступать в роли креативной, властной личности. И не разрешает публиковать свои старые хорошие стихи².

Любая традиционная неология, помещенная в стих и даже в прозу, так или иначе побуждает к криптологическому прочтению, т.е. побуждает не к целостному восприятию, а к аналитике. Поэтика таких авторов, как Набоков, Джойс, направлена на то, чтобы заставить трудиться поколение университетариев. «Если предположить, что этим исчерпывается истинное или первейшее желание Джойса, во что я не верю, ничто не кажется мне более чуждым Целану» [Деррида 2012: 68].

² В учебнике «Поэзия» (М., 2016) опубликованы два «хороших» стихотворения Красовицкого. Сделать это позволил формат издания.

Вообще в этом смысле неологию можно рассматривать как обеспечение занятости филологов и комментаторов. И нельзя сказать, что многие поэты этого не понимали. Они сознательно рассчитывали на этот эффект, обязательны последующие попытки заведомо успешной расшифровки, расшифровки с заранее известным поэту результатом. В расчете на этот эффект была построена вся поэтика постфутуризма, что в сущности совпало по времени или даже немного отставало от повсеместно разрабатываемых неологических стратегий в маркетинге. В этом смысле неявная неология, например, П. Целана в корне противоположна: она не дает расшифровки, и расшифровка не заложена как алгоритм текста.

Примером неявной неологии может служить знаменитое целановское слово *mitsammen* из стихотворения «Анабасис». Это одно из тех слов, которые выражают очень важное понятие совместности или коллективности так, как ее понимает XX век. *Mitsammen*, хотя и отличается от словарного *zusammen* («вместе»), не претендует на новизну, на нарушение нормы, оно появляется как бы исподволь, как будто уже существующее, хотя и отсутствует во всех словарях. Были попытки исследователей объяснить *mitsammen* через идиш, попытки явно пристрастные к Целану, но и в идише это слово тоже отсутствует. Что это? Немецкий слэнг? Идиш? Окаzionale слово? Еврейско-немецкий? (На еврейско-немецком написан, например, «Разговор в горах» Целана). *Mitsammen* посвящены целые статьи [Krefeld 1990], и характерно, что автор статьи пишет *Mitsammen* с большой буквы, справедливо обращая внимание на то, что это некий ключевой концепт.

С одной стороны, происхождение и статус слова непонятны, с другой — это слово абсолютно понятно и не выглядит окаzionale. Текст Целана не просто скользит мимо конвенциональных значений слов, но оставляет непонятным, насколько слова принадлежат или не принадлежат языку. Это тип слова с невыраженной окаzionaleностью. Оно осуществляется в этом тексте как опыт открытия, оно свободно «получается», свободно случается. *Mitsammen* — это формула опыта невозможной коммуникации, но ни в коем случае не невозможности коммуникации. Ничто не предвещает коммуникацию, но вдруг получается это *mitsammen*, невозможная коммуникация возможна. Совместность осуществляется не через язык (не декларируется), а в прямом открытии в надъязыковом пространстве. Совместность — то важное революционное понятие, которое остается актуальными еще и в 1960-е гг. во Франции, подобная совместность подразумевает соединение людей как некое происходящее открытие, а не объединение на какой-то общей платформе. С точки зрения совместности очень важно, что *mitsammen* не предполагает уничтожения или насаждения различия между я и мы. Я не подчинено мы, и я не тождественно мы.

У Целана есть еще одно стихотворение «In Eins», которое уже другими словами выражает тот же концепт совместности. Этому стихотворению посвящена статья Деррида о Шибболете Целана [Деррида 2012]. В этом стихотворении не просто складываются различные языки, но есть некий довавилонский язык, некая единица, транслингвальная (межъязыковая) идиома [Азарова 2018], которая не использует, в отличие от языка рекламы, словообразовательных техник, — перспективный вариант современной неявной неологии.

Перевод *mitsammen* как «воедино»³ или даже как «вместе» не представляется адекватным, потому что «воедино» подразумевает некое слияние, а не сложение на общей почве, не нахождение некоторого общего достаточного основания для объединения. Мы переводим *mitsammen* как «в одном»⁴:

Видимое, Слышимое, / освобождаясь — / Свод-Слово:

В-Одном.

Перевод с немецкого А. Прокопьева, Т. Баскаковой, Н. Азаровой [Бадью 2016: 114].

Может быть, появляющийся в результате образ надъязыка — это попытка помыслить сущее вне реального мышления (безразлично к мышлению). Поэзия способна примирить мышление и абсолют, не прибегая к метафизике. Это основной вывод из наблюдений за *неявной неологией*.

Диктат креативности в начале XXI века порождает необходимость сформировать способность противостоять этому диктату, т. е. *неявная неология* должна существовать в противостоянии диктату креативности.

И еще одно важное общее соображение. Неологию пора перестать считать атрибутом поэзии. Традиционная неология сейчас как раз прерогатива обыденной речи, коммуникации и медийного пространства. Сегодня мы понимаем, что традиционная неология противоречит задачам поэзии и ставим задачу не только оторвать описание неологии от поэзии, но и описание поэзии от неологии.

Литература

Азарова Н. М. Понятие межъязыковой идиомы, или об одной межъязыковой идиоме Пауля Целана // Когнитивные исследования языка, 2018. Вып. XXXV. Взгляд в будущее: новые перспективы когнитивных исследований языка. С. 196–203.

Азарова Н. М. Поэтический билингвизм как средство межкультурного трансфера // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. М.: Культурная революция, 2016. С. 255–307.

Азарова Н. М., Корчагин К. М., Кузьмин Д. В. и др. Учебник «Поэзия». М.: ОГИ, 2016. 886 с.

Бадью А. Век / пер. М. Титова, Н. Азарова и др. М.: Гнозис, 2016. 224 с.

Деррида Ж. Шибболет / пер. В. Е. Лапицкий. СПб.: Machina, 2012. 175 с.

Лифшиц М. А. Почему я не модернист? // Литературная газета, 8 октября 1966. С. 2–4.

Лоцилов И. Е. «Молодец-испечец» Даниила Хармса: опыт анализа // Русская литература в современном культурном пространстве: Материалы II Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию Томского государственного

³ Марк Белорусец переводит *In Eins* как «воедино», но и у Лапицкого в переводе «Шибболета» Деррида *In Eins* тоже передано как «воедино».

⁴ В принципе, можно было бы перевести как и «в одном».

педагогического университета (1–3 ноября 2002 г.) / Под ред. Т. Т. Уразаевой, В. Е. Головчинер, О. Б. Кафановой, Е. Н. Ковалевской: В 2 ч. Ч. 2. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2003. С. 97–102.

Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург, М.: Кабинетный учёный, 2015. 196 с.

Регев Й. Невозможное и совпадение. О революционной ситуации в философии. Пермь: ГилеПресс, 2016. 146 с.

Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 608 с.

Целан П. Пауль Целан. Стихотворения. Проза. Письма / пер. Т. Баскакова, М. Белорусец. М.: Ad Marginem, 2008. 736 с.

Шпет Г. Г. Философские этюды. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. 376 с.

Krefeld T. Ästhetik der Sprachlosigkeit. *Kulturlandschaft bukowina*. Iasi: Editura Universitari “Alexandru Ioan Cuza”, 1990. P. 135–142.

N. M. Azarova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

natazarova@gmail.com

STRATEGIES OF NOVELTY IN THE POETIC LANGUAGE — SYSTEM CHANGES

Neology is largely determined by the attitude toward the new in this or that era and depends on what is linguistic dominants in the cultural systems. In the poetry of the last decades one can observe systematic changes in the strategies of presenting novelty and attitudes towards the new. The modern era can be defined by the reign of the new and by the undivided dominance of the creative. Changes in attitudes towards the new are related to a protest against the demand for creativity as a special capitalist mandate of our time. In the cultural system of the 20th century novelty was presented as something alien to the recipient, aiming to provoke an initial rejection, followed by obedience and ultimately acceptance of the new as familiar (the postmodernist era is not an exception to this). Whereas in the language of 21st century poetry, a strategy of hedging of the new and avoiding its branding can be noticed. The linguistic mechanisms of poetry imply keeping the new as a coincidence that does not accentuate the contradiction between the new and the old. This is not a rejection of the new, as the very idea of time is new in itself, but this is the new without the apology of innovation or initiation. The new arises as a perception of integrity, and not as a result of analysis. Since traditional neology is now the prerogative of everyday speech, communication, and media spaces, which contradicts the tasks of poetry, and the task of poetry in recent years is to resist the dictate of creativity.

Key words: cultural systems, poetic language, new words, creativity, Celan, contemporary poetry.

References

Azarova N. M. [Poetic bilingualism as a means of intercultural transfer]. *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* [Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies]. Moscow, Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., 2016, pp. 255–307. (In Russ.)

Azarova N. M. [The notion of interlingual idioms, or about one association and history of Paul Celan]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2018, pp. 196–203. (In Russ.)

Azarova N. M., Korchagin K. M., Kuz'min D. V. et al. *Uchebnik «Poeziya»*. [Textbook «Poetry»]. Moscow, OGI Publ., 2016. 886 p.

Badiou A. *Le Siècle. Vek* [The Century]. Paris: Éditions du Seuil, 2005. (Russ. ed.: Bad'yu A. *Vek*, translated by M. Titova, N. Azarova et al. Moscow, Gnosis Publ., 2016. 224 p.)

Celan P. Paul Celan: Gedichte. Prosa. Briefe. (Russ. ed.: *Paul' Tselan. Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma*), translated by T. Baskakova, M. Belorusets. Moscow, Ad Marginem Publ., 2008. 736 p.)

Derrida J. *Schibboleth: Pour Paul Celan*. Éditions Galilée [Schibboleth: For Paul Celan], 1986. (Russ. ed.: *Shibbolet*, translated by V. E. Lapitskii. St. Petersburg, Machina Publ., 2012. 175 p.)

Frank S. L. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Pravda Publ., 1990, 608 p.

Krefeld T. [Aesthetics of speechlessness]. *Kulturlandschaft bukowina* [Cultural landscape bukowina], Editura Universitari “Alexandru Ioan Cuza” Publ., 1990, pp. 135–142. (In Ger.)

Lifshits M. A. [Why am I not a modernist?]. *Literaturnaya gazeta*, October 8, 1966, P. 2–4. (In Russ.)

Loshchilov I. E. [Daniil Kharms' «Molodets-ispechets»: an experience of analysis]. *Russkaya literatura v sovremennom kul'turnom prostranstve: Materialy II Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (1–3 noyabrya 2002 g.)*, Pod red. T. T. Urazaevoi, V. E. Golovchiner, O. B. Kafanovoi, E. N. Kovalevskoi: V 2 ch. Ch. 2. [Russian literature in the modern cultural space: Proc. II All-Russian Scientific Conference, dedicated to the 100th anniversary of the Tomsk State Pedagogical University (November 1–3, 2002), ed. by T. T. Urazaeva, V. E. Golovchiner, O. B. Kafanova, E. N. Kovalevskaya: In 2 parts. Part 2.]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta Publ., 2003. P. 97–102. (In Russ.)

Meillassoux Q. *Après la finitude: Essai sur la nécessité de la contingence* [After finitude: An essay on the necessity of contingency]. Paris, Éditions du Seuil, 2006. (Russ. ed: Meiyasu K. *Posle konechnosti : Esse o neobkhodimosti kontingentnosti*. Ekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi Uchenyi Publ., 2015, 196 p.)

Regev Y. *Nevozmozhnoe i sovpadenie. O revolyutsionnoi situatsii v filosofii*. [Impossible and coincidence. On the revolutionary situation in philosophy]. Perm', HylePress Publ., 2016, 146 p.

Shpet G. G. *Filosofskie etudy* [Philosophical studies]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Progress» Publ., 1994, 376 p. (In Russ.)